

Михаил КОНОВАЛЬЧУК

Тася
Киноповесть

— А почему в калыночку? С постели взяли?
— Он в ресторан пришел в таком виде.
— Дрался с кем-нибудь?
— Нет, с забора упал.
— Так, так, — сказал профессор. — Здравствуйте!
— Здорово, вредитель, — злобно и громко ответил поэт. Но профессор ни сколько не обиделся, он снял очки, сунул их в нагрудный карман халата, а затем спросил у поэта.
— Сколько вам лет?
— Подите от меня ко всем чертям! — громко крикнул поэт и отвернулся.
— Почему вы сердитесь? Разве я сказал что-нибудь неприятное?
— Мне 23 года! И я подаю жалобу на вас в Чеку. А на тебя в особенности, гнида, — сказал он отдельно приведшему его.
— На что же вы хотите пожаловаться?
— На то, что меня, здорового человека, схватили и силой привели в дурдом! Все, дальше ждать я не намерен, — и поэт шагнул к дверям. На пути его встал санитар.
— Ах так, — дико озираясь, — произнес поэт, — ну ладно же, прощайте! — и головой вперед он бросился в штору окна. Раздался удар.
— Б-больно! — вскричал поэт и рухнул на пол.
— Не убился? — встревоженно спросил пришедший, еще недавно прозванный гнидой.
— Н-нет, — ответил профессор. — Там амортизатор. Уколючки!
Уже в палате Михаил диктовал необходимую бумагу.
Сосед его — грузный мужчина с седыми бакенбардами — мирно спал, уронив книгу на коврик.
Въехала каталка. На ней вкатили поэта, пугливо оглядываясь на связанного, — ...известный поэт... вот, видите... мы опасаемся, не белая ли горячка.
— Сильно пил? — спросил профессор.
— Выпяло, но не так, чтобы уж...
— Тараканов, чертиков или шмыгающих собак не ловил?
— Нет, я его вчера видел и сегодня утром. Он был совершенно здоров.

Михаил немного помедлил и диктовал требуемое.
— Вот и прекрасно. А компания у вас самая отменная. Не то что рядом, в палате шесть — тот, принявший конюхи возбудитель, и сам товарищ Троицкий.
— А это кто таков?
— Вы что, газет не читаете?
— Я далекий от политики.
— А это не политика, это больше, чем политика — это жестокая реальность. В стране произошла революция, вы это сознаете?
— Я знаю, что в стране — бардак.
— Коллегал Чудовищно бездарный царизм рухнул после шестилетней войны. Они разорили страну, потеряли контроль над армией, доверие населения. Полицейский строй выродился в режим насилия и развоя! Да и держался он потому, как заменить его было нечем и лишь одна организация, объединенная общей верой и общей волей, смогла взять на себя ответственность — это партия коммунистов. Не позер же Керенский.
— Странно это слышать от знаменитого профессора, потомственного дворянина, — вспыхнув, сказал Михаил.
— Такова жестокая реальность. Я отнюдь к России как к большому пациенту. В ослабленное тело ее, полупарализованное, с поражением мозга и двигательных функций, влилась сатанинская кровь. Страну лечат камфарой и морфием.
— А кто лечит?
— Большевики. Я к ним давно присматриваюсь — они ничего не знают и не умеют. Но они хотят. Что, по сравнению с ними, знающий и умеющий импонирует?
— А кто они — большевики? — немного насмешливо спросил Михаил. — Кто эти проводители?
— Сброд-с, — неожиданно сказал профессор, — такой массы необразованных, наглых, самоуверенных, подлых, коварных сволочей я еще не видел.
— Вот как? — искренне удивился Михаил. — А я-то подумал, что вы сам... коммунист.
— Я русский и мне безынтересна судьба моей страны.
В коридоре послышались шаги, тихие голоса. Захлопали двери. Было раннее утро. Вошла медсестра, разложила по тумбочкам таблетки, открыла окно и только потом поздоровалась с Михаилом, увидев, что он не спит.

— Где можно взять свежие газеты? — спросил Михаил.
— Газет нет, не положено.
— Ночью слышна была канонада. Что-нибудь произошло?
— Медсестра посмотрела на спящих.
— По-моему, да...
— Что именно?
— Никто точно ничего не знает. Ночью профессору звонили, и он орал как сума... — осеклась сестра, понимая неуместность выражения, — кричал. К нам прибудет комиссар. Хотят всех направить на работы. Только тихо. Это вам...
Михаил кивнул.
— Ну, давайте, — сестра взяла руку Михаила, стала долго рассматривать вены, — а куда же? У вас просто сито. Давайте в ногу.
Михаил высободил ногу, а сестра, пригвоздив все необходимое, присела на краешек постели.
Сосед по палате заворочался и замычал.
— Бывший депутат государственной думы — Петрушин. Не беспочвоил?
— Нет.
— Он почти никогда не просыпается. Но речи говорит порой даже ночью. Странное психическое отклонение. Профессор вас поместил сюда. Здесь более спокойно.
Сестра ввела раствор:
— Скоро будет завтрак. Ваши документы и деньги в тумбочке. Вещи сдали на хранение.
Михаил достал портмоне, извлек купюру.
— Благодарю вас. Мы гонорары отдаем профессору. Все идет на приобретение необходимых лекарств. Пока живет клиника, — живы и мы, в городе — голод.
— Провинция пока держится. С месяц назад еще были даже пирожные.
— Да? — я забыла, как они выглядят, — и прошептала: — Все говорят о наступлении немцев, в народе так и говорят: "Придет немец, наведет порядок".
— Слухи?
— В газете пишут: "Встать как один на борьбу с немецкими белогвардейцами". Луначарский призывает даже гимназистов, записываться в Красную гвардию и бороться с Гинденбургом.
Экс-депутат Петрушин зашевелился и, не открывая глаз, произнес:
— Брат на брата, сынове против отца, рабы на господ, друг другу ищут умертвить единого ради коммунизма...
— Ну, с добрым утром, — сказала медсестра, — началось! — и, улынувшись, покинула палату.
— ...похоти и власти, имя брат брата достояния лишит, не ведаючи, яко премудрый глаголет: имя чужого, о своем в оный день въздрядит...
— Замолчи, гнида, — пробормотал поэт, — тоже не просыпается... — Нами человечество протрезвляется... мы его похмелье... нашим страданием мы избавляем от скорби следующие поколения.
Пока они так переговаривались, открылась дверь, и человек в халате, испуганно озираясь, ввез тележку с едой — каша, хлеб, 3 яйца.
Не поздоровавшись, он заглянул под койки, приоткрыл занавеску.
— Нет, все чисто, — сказал он сам себе... — Не проходили? — обратился он к Михаилу.
— Ушли, — сказал Михаил.
— Сколько их было?
— Пять человек, один хромой.
— Ну, слава Богу, на этот раз пронесло.
— А что они-то? — поддержал разговор Михаил, принимая тарелку с кашей, яйцо и хлеб.
— Да ищет все... Рукосили Каутского.
— А зачем им?
— Э-э... в том весь и секрет. Они не знают, что дальше делать. Переворот совершили, власть взяли, а что делать, знаете, больно?
— Н-не знаю, — ответил Михаил.
— То-то! Большевики до сих пор изумлены, что им удалось захватить власть. Луначарский недели две бегал с вытаращенными глазами: мы только подумайте! Мы только демонстрацию хотели провести.
— А что рукосили?
— А там полная тактика и стратегия описаны. Но не найдут. Они симпатическими чернилами написаны.
— А как читать?
— Пришедец оглянулся и, наклонившись к Михаилу, шепнул:

— Где профессор?
— Арестован, — кратко ответил карапет.
— За что?
— Свободен! — сказал резко карапет. Михаил вышел.
В коридоре встретилась медсестра. Она была не в себе.
— Где моя одежда? — спросил Михаил.
— Реквизировали. Они все реквизировали.
— Хотя бы что-нибудь осталось?
— Пойдем, посмотрим.
Сестра, держась за виски, провела Михаила в гардероб. Там был полный развал — какие-то жалкие тряпки валялись на полу, шкафах, подоконниках. Они вдвоем стали перебирать это барахло и в результате нашли более-менее приличное одеяние, видимо, не пользующееся спросом — матросскую форменку, рваную кожанку и галифе. Михаил переоделся тут же, перепоясався ремнем.
— Ну теперь только маузера не хватает, — заметила медсестра. — "Эх, яблочко..."
Михаил вошел в палату, открыл тумбочку.
— Э! Э! — заворчал на него поэт, — чего шарить?
— Не узнал? — спросил строго Михаил, соответствуя снаружи.
— А! Ты наш! — Ась притворился интеллигентом.
— А я красный интеллигент, пролетариат, твою мать, всех стран соединяетесь.
— А что же мне теперь делать? — задумчиво поинтересовался поэт.
— Иди работай, строй новое, счастливое общество.
— Я поэт.
— Мой совет — не пиши стихов. Лучше Пушкина не напишешь.
— А что он такого написал? — запальчиво спросил поэт.
— Ну, например, "...я приду на гордый гроб кудри наклонять и плакать..."
— Фу ты! — безразлично сморщился поэт.
— А еще "Евгения Онегина" — вот такая толстая поэма, — показал пальцами Михаил толщину произведения.
— Ну! — восхищенно сказал поэт. — Тогда понятно.
— А с ним как же? — спросил поэт, кивнув на эксдепутата. — А ему как быть?
— Как бывший врач скажу, что при его абдоминальном ожирении и отсутствии тесто-тероигов — ему уже ничего неинтересно...
Михаил вошел в кабинет профессора.
Степан спал, а из-за смотровой шторы раздавались сдвоенные стоны.
Михаил заглянул — карапет со спущенными галифе трудился над пышной медичкой.
Михаил взломал шкаф и аккуратно стал складывать в сумку с красным крестом на белом фоне необходимые препараты.
Когда он уже уходил, из-за шторы высочил потный, раскрасневшийся карапет, торопливо застегивающий галифе.
— Позволь... — только успел сказать он, как сразу же получил в лоб. Удар был не сильным, но долбестный кавалерист поспешил ретироваться — на карачках уполз под кушетку.
Михаил в таком своеобразном наряде только себе казался выделяющимся среди прочего народа в трамвай набилось множество мужиков, солдат в разных, каких попало кителях и с разным оружием, как с саблей на боку, кто с винтовкой, кто с огромным маузером у пояса (под рукой, чтобы не стибрили). Две старухи с кошелками, затевавшие спор этой толпы, яростно ругали правительство.
— Дают, глаза их накроясь, по осьмью сухарей, небось подвалялись, поужешь — душа горит.
Рядом с ними мужик тупо слушает, тупо глядит, странно, мертво, idiotски улыбается, на коричневое лицо нависли грязные лохмотья белой манжурки. Глаза белые.
А среди всех прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь надо всеми на целую голову, стоит великан в великопелной серой шинели, туго перетянутой хор-

— Где профессор?
— Арестован, — кратко ответил карапет.
— За что?
— Свободен! — сказал резко карапет. Михаил вышел.
В коридоре встретилась медсестра. Она была не в себе.
— Где моя одежда? — спросил Михаил.
— Реквизировали. Они все реквизировали.
— Хотя бы что-нибудь осталось?
— Пойдем, посмотрим.
Сестра, держась за виски, провела Михаила в гардероб. Там был полный развал — какие-то жалкие тряпки валялись на полу, шкафах, подоконниках. Они вдвоем стали перебирать это барахло и в результате нашли более-менее приличное одеяние, видимо, не пользующееся спросом — матросскую форменку, рваную кожанку и галифе. Михаил переоделся тут же, перепоясався ремнем.
— Ну теперь только маузера не хватает, — заметила медсестра. — "Эх, яблочко..."
Михаил вошел в палату, открыл тумбочку.
— Э! Э! — заворчал на него поэт, — чего шарить?
— Не узнал? — спросил строго Михаил, соответствуя снаружи.
— А! Ты наш! — Ась притворился интеллигентом.
— А я красный интеллигент, пролетариат, твою мать, всех стран соединяетесь.
— А что же мне теперь делать? — задумчиво поинтересовался поэт.
— Иди работай, строй новое, счастливое общество.
— Я поэт.
— Мой совет — не пиши стихов. Лучше Пушкина не напишешь.
— А что он такого написал? — запальчиво спросил поэт.
— Ну, например, "...я приду на гордый гроб кудри наклонять и плакать..."
— Фу ты! — безразлично сморщился поэт.
— А еще "Евгения Онегина" — вот такая толстая поэма, — показал пальцами Михаил толщину произведения.
— Ну! — восхищенно сказал поэт. — Тогда понятно.
— А с ним как же? — спросил поэт, кивнув на эксдепутата. — А ему как быть?
— Как бывший врач скажу, что при его абдоминальном ожирении и отсутствии тесто-тероигов — ему уже ничего неинтересно...
Михаил вошел в кабинет профессора.
Степан спал, а из-за смотровой шторы раздавались сдвоенные стоны.
Михаил заглянул — карапет со спущенными галифе трудился над пышной медичкой.
Михаил взломал шкаф и аккуратно стал складывать в сумку с красным крестом на белом фоне необходимые препараты.
Когда он уже уходил, из-за шторы высочил потный, раскрасневшийся карапет, торопливо застегивающий галифе.
— Позволь... — только успел сказать он, как сразу же получил в лоб. Удар был не сильным, но долбестный кавалерист поспешил ретироваться — на карачках уполз под кушетку.
Михаил в таком своеобразном наряде только себе казался выделяющимся среди прочего народа в трамвай набилось множество мужиков, солдат в разных, каких попало кителях и с разным оружием, как с саблей на боку, кто с винтовкой, кто с огромным маузером у пояса (под рукой, чтобы не стибрили). Две старухи с кошелками, затевавшие спор этой толпы, яростно ругали правительство.
— Дают, глаза их накроясь, по осьмью сухарей, небось подвалялись, поужешь — душа горит.
Рядом с ними мужик тупо слушает, тупо глядит, странно, мертво, idiotски улыбается, на коричневое лицо нависли грязные лохмотья белой манжурки. Глаза белые.
А среди всех прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь надо всеми на целую голову, стоит великан в великопелной серой шинели, туго перетянутой хор-

— Где профессор?
— Арестован, — кратко ответил карапет.
— За что?
— Свободен! — сказал резко карапет. Михаил вышел.
В коридоре встретилась медсестра. Она была не в себе.
— Где моя одежда? — спросил Михаил.
— Реквизировали. Они все реквизировали.
— Хотя бы что-нибудь осталось?
— Пойдем, посмотрим.
Сестра, держась за виски, провела Михаила в гардероб. Там был полный развал — какие-то жалкие тряпки валялись на полу, шкафах, подоконниках. Они вдвоем стали перебирать это барахло и в результате нашли более-менее приличное одеяние, видимо, не пользующееся спросом — матросскую форменку, рваную кожанку и галифе. Михаил переоделся тут же, перепоясався ремнем.
— Ну теперь только маузера не хватает, — заметила медсестра. — "Эх, яблочко..."
Михаил вошел в палату, открыл тумбочку.
— Э! Э! — заворчал на него поэт, — чего шарить?
— Не узнал? — спросил строго Михаил, соответствуя снаружи.
— А! Ты наш! — Ась притворился интеллигентом.
— А я красный интеллигент, пролетариат, твою мать, всех стран соединяетесь.
— А что же мне теперь делать? — задумчиво поинтересовался поэт.
— Иди работай, строй новое, счастливое общество.
— Я поэт.
— Мой совет — не пиши стихов. Лучше Пушкина не напишешь.
— А что он такого написал? — запальчиво спросил поэт.
— Ну, например, "...я приду на гордый гроб кудри наклонять и плакать..."
— Фу ты! — безразлично сморщился поэт.
— А еще "Евгения Онегина" — вот такая толстая поэма, — показал пальцами Михаил толщину произведения.
— Ну! — восхищенно сказал поэт. — Тогда понятно.
— А с ним как же? — спросил поэт, кивнув на эксдепутата. — А ему как быть?
— Как бывший врач скажу, что при его абдоминальном ожирении и отсутствии тесто-тероигов — ему уже ничего неинтересно...
Михаил вошел в кабинет профессора.
Степан спал, а из-за смотровой шторы раздавались сдвоенные стоны.
Михаил заглянул — карапет со спущенными галифе трудился над пышной медичкой.
Михаил взломал шкаф и аккуратно стал складывать в сумку с красным крестом на белом фоне необходимые препараты.
Когда он уже уходил, из-за шторы высочил потный, раскрасневшийся карапет, торопливо застегивающий галифе.
— Позволь... — только успел сказать он, как сразу же получил в лоб. Удар был не сильным, но долбестный кавалерист поспешил ретироваться — на карачках уполз под кушетку.
Михаил в таком своеобразном наряде только себе казался выделяющимся среди прочего народа в трамвай набилось множество мужиков, солдат в разных, каких попало кителях и с разным оружием, как с саблей на боку, кто с винтовкой, кто с огромным маузером у пояса (под рукой, чтобы не стибрили). Две старухи с кошелками, затевавшие спор этой толпы, яростно ругали правительство.
— Дают, глаза их накроясь, по осьмью сухарей, небось подвалялись, поужешь — душа горит.
Рядом с ними мужик тупо слушает, тупо глядит, странно, мертво, idiotски улыбается, на коричневое лицо нависли грязные лохмотья белой манжурки. Глаза белые.
А среди всех прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь надо всеми на целую голову, стоит великан в великопелной серой шинели, туго перетянутой хор-

— Где профессор?
— Арестован, — кратко ответил карапет.
— За что?
— Свободен! — сказал резко карапет. Михаил вышел.
В коридоре встретилась медсестра. Она была не в себе.
— Где моя одежда? — спросил Михаил.
— Реквизировали. Они все реквизировали.
— Хотя бы что-нибудь осталось?
— Пойдем, посмотрим.
Сестра, держась за виски, провела Михаила в гардероб. Там был полный развал — какие-то жалкие тряпки валялись на полу, шкафах, подоконниках. Они вдвоем стали перебирать это барахло и в результате нашли более-менее приличное одеяние, видимо, не пользующееся спросом — матросскую форменку, рваную кожанку и галифе. Михаил переоделся тут же, перепоясався ремнем.
— Ну теперь только маузера не хватает, — заметила медсестра. — "Эх, яблочко..."
Михаил вошел в палату, открыл тумбочку.
— Э! Э! — заворчал на него поэт, — чего шарить?
— Не узнал? — спросил строго Михаил, соответствуя снаружи.
— А! Ты наш! — Ась притворился интеллигентом.
— А я красный интеллигент, пролетариат, твою мать, всех стран соединяетесь.
— А что же мне теперь делать? — задумчиво поинтересовался поэт.
— Иди работай, строй новое, счастливое общество.
— Я поэт.
— Мой совет — не пиши стихов. Лучше Пушкина не напишешь.
— А что он такого написал? — запальчиво спросил поэт.
— Ну, например, "...я приду на гордый гроб кудри наклонять и плакать..."
— Фу ты! — безразлично сморщился поэт.
— А еще "Евгения Онегина" — вот такая толстая поэма, — показал пальцами Михаил толщину произведения.
— Ну! — восхищенно сказал поэт. — Тогда понятно.
— А с ним как же? — спросил поэт, кивнув на эксдепутата. — А ему как быть?
— Как бывший врач скажу, что при его абдоминальном ожирении и отсутствии тесто-тероигов — ему уже ничего неинтересно...
Михаил вошел в кабинет профессора.
Степан спал, а из-за смотровой шторы раздавались сдвоенные стоны.
Михаил заглянул — карапет со спущенными галифе трудился над пышной медичкой.
Михаил взломал шкаф и аккуратно стал складывать в сумку с красным крестом на белом фоне необходимые препараты.
Когда он уже уходил, из-за шторы высочил потный, раскрасневшийся карапет, торопливо застегивающий галифе.
— Позволь... — только успел сказать он, как сразу же получил в лоб. Удар был не сильным, но долбестный кавалерист поспешил ретироваться — на карачках уполз под кушетку.
Михаил в таком своеобразном наряде только себе казался выделяющимся среди прочего народа в трамвай набилось множество мужиков, солдат в разных, каких попало кителях и с разным оружием, как с саблей на боку, кто с винтовкой, кто с огромным маузером у пояса (под рукой, чтобы не стибрили). Две старухи с кошелками, затевавшие спор этой толпы, яростно ругали правительство.
— Дают, глаза их накроясь, по осьмью сухарей, небось подвалялись, поужешь — душа горит.
Рядом с ними мужик тупо слушает, тупо глядит, странно, мертво, idiotски улыбается, на коричневое лицо нависли грязные лохмотья белой манжурки. Глаза белые.
А среди всех прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь надо всеми на целую голову, стоит великан в великопелной серой шинели, туго перетянутой хор-

• Дом на Большой Садовой улице. 1920-е гг.

Окончание следует.

1129109,03 (сент.)
Коновальчук Михаил